

раскрытию генезиса культуры и традиции мешает, на наш взгляд, понимание автором протолуда как индивидуальной инстинктивной деятельности, находящейся «в основном в русле генетических программ», основывающейся подобно деятельности прегоминид на научении и осуществляющейся в бессознательной, рефлекторной форме. Что же заставляло не обладающего сознательными стимулами индивида изготавливать не имеющее для него прямого биологического значения орудие, приобретать сложные традиции по его изготовлению? Что побуждало его передавать их другим членам сообщества? Ответы на эти вопросы дают многочисленные факты о формировании у гоминид экономических и иных социальных отношений, общих потребностей в накоплении опыта производства орудий и передаче его друг другу и подрастающим поколениям, что заставляло членов возникших родовых общин все больше осознавать эти социальные цели, стимулы. А это предполагало зарождение и развитие в сообществах гоминид человеческой речи, что подтверждается данными науки. Абсолютизация автором индивидуальной технологической деятельности гоминид обусловила не только ее биологизацию, но и, естественно, отрицание им наличия у них даже зачатков человеческой речи, квалификацию переходного периода в качестве доречевого.

Очевидно, и в нашем случае становящиеся первобытные общины как органические системы должны были сами формировать новую, социальную суть поведения гоминид, а следовательно, их новые средства коммуникации, традиционные деятельности, нормы поведения и пр., стимулировать членов сообществ к распространению новаций среди других индивидов. Большой фактический материал о превращении стад австралопитеков в первобытные общины подтверждает правомерность такого решения проблемы.

Подытоживая разбор содержания работы Э. Г. Абрамян, можно сделать вывод, что использование ею в качестве методической основы технологической концепции культуры дало ей возможность внести определенный вклад в решение проблемы генезиса культурной традиции. Подчеркнем установление решающей роли в этом биологических предпосылок появления деятельности гоминид по изготовлению средств труда и самого труда. В то же время односторонность исходной концепции культуры предопределила указанные выше недостатки в решении проблемы, выразившиеся прежде всего в недооценке автором главного, непосредственного фактора формирования культурной традиции — становления социальной структуры, потребностей в сообществах гоминид.

Советским этнографам, философам и представителям многих других наук предстоит большая работа по анализу генезиса культурной традиции, раскрытию ее принципиального отличия от способов и стереотипов поведения животных в смысле выражения истинно человеческого характера поведения, меры развития его от эпохи к эпохе.

Д. В. Гурьев

Примечания

¹ Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973. С. 37.

² Там же. С. 43.

³ См. Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. М., 1976.

⁴ Крушинский Л. В. Биологические основы рассудочной деятельности. М., 1977. С. 143.

НАРОДЫ СССР

© 1991 г.

Круглый год: Русский земледельческий календарь /

Составление, вступительная статья и примечания в тексте Некрыловой А. Ф.

М., 1989. 495 с.

По современной классификации, сборник «Круглый год», составленный А. Ф. Некрыловой, относится к разряду научно-популярной литературы, но более точно его замысел и воздействие на читателя можно определить как «культурное просветительство» высокого уровня, что обеспечивается сочетанием научного знания с художественным вкусом в отборе материала и простой его подачи (авторским комментарием).

По мере знакомства с книгой становится ясно, что она предназначена для массового чтения в самом широком диапазоне — для читателей всех «рангов» и возрастов — и станет настольной. Эта книга продолжает отечественную традицию сочинения «книг для народа».

В деле собирания, интерпретации и реконструкции русского земледельческого календаря потрудились несколько поколений дореволюционных и советских ученых, причем интерес к нему возник задолго до оформления гуманитарных и общественных наук в России. Источники и литература по календарю необозримы, если иметь в виду не только специально посвященные ему публикации (от конкретных сообщений с мест до монографических исследований представителей

разных дисциплин), но также газетную, журнальную периодику и архивные залежи библиотечных и музейных хранилищ страны. Добавим к этому, что специфическую информацию о народном календаре несут вещественные памятники народного быта и культуры — от архитектуры до одежды.

Рецензируемый сборник составлен фольклористом, и это не случайно. Во-первых, фольклор, в том числе и календарный, был первичным и в прошлом нередко единственным материалом для собирателей и исследователей русской народной словесности и так называемой «духовной» культуры, причем художественно-этические и духовные ценности фольклорных сокровищ были настолько впечатляющими, что само понятие «фольклор» по существу отождествлялось с народной (бытовой) культурой в целом; этот взгляд оставил свой след в сознании современных фольклористов и филологов. Во-вторых, следует признать, что, несмотря на большой вклад русских (советских) этнографов в собрание и изучение народного календаря, основные достижения в этой области принадлежат пока фольклористам: достаточно назвать имена В. И. Чичерова и В. Я. Проппа, методико-теоретическими концепциями которых фольклористы и этнографы руководствуются вот уже несколько десятилетий.

Вернемся к книге, составленной А. Ф. Некрыловой. Композиционно она делится на несколько частей: а) вступительная статья «Русский земледельческий календарь» (с. 5—16); б) основное содержание — фольклорно-этнографический материал к календарным датам с примечаниями составителя (с. 18—484); в) словарь устаревших и диалектных слов (с. 485—489); г) использованная литература (с. 490—493). Такое построение характерно для фольклористических сборников научного профиля, среди которых выделяется прекрасная публикация фольклора с обширнейшим этнографическим комментарием — тоже своего рода русская календарная энциклопедия круглого года — «Поэзия крестьянских праздников», составленная И. И. Земцовским («Библиотека поэта» БС. Л., 1970). Подобные собрания представляют интерес не только для ученых-специалистов и нередко ориентированы на широкий читательский круг, о чем обычно сообщается в аннотациях. Но на самом деле они не становятся популярными, и не только из-за мизерного тиража, а потому, что их чтение требует определенной подготовки. Сборник «Круглый год» популярен в силу его *доступности* сознанию массового читателя, что достигается посредством сквозного включения авторского комментария в фольклорно-этнографический контекст: получилась форма как бы живого рассказывания очевидца или участника всего происходившего. Книгу можно читать понемногу, запоминать или заучивать понравившиеся пословицы, песни, закрывать на любой странице (дате, месяце) и продолжать чтение без опасения потерять нить повествования.

Основу сборника составляет огромный фольклорно-этнографический материал разнообразного происхождения, о чем свидетельствуют раздел «Использованная литература» и вступительная статья: в совокупности они насчитывают более 120 наименований. Анализ этой литературы показывает не только научный уровень книги А. Ф. Некрыловой, но и ее уважение к читателю, стремление познакомить его с высокохудожественными и вместе с тем с многообразными и разновременными культурными традициями русского народа, для стройной систематизации которых календарь в виде выбранной составителем трехчастной структуры (сезон — месяц — день) является самым надежным стержнем. Источниковый поиск А. Ф. Некрыловой шел по нескольким направлениям: наиболее полные описания «общерусского» аграрного календаря в трудах ученых XIX — начала XX в. (И. М. Снегирев, А. Терещенко, И. П. Калинин, И. П. Сахаров, А. А. Коринфский, А. С. Ермолов); публикации региональных (местных) «календарей» или отдельных годовых циклов (дат) XIX — начала XX в. — из западных (В. Н. Добровольский и И. К. Копаневич), южных (М. Е. Шереметьева и др.), северных (Д. К. Зеленин, П. А. Дилакторский и др.) областей, из Поволжья (Г. К. Завойко, В. В. Селиванов), Сибири (А. А. Макаренко, Г. С. Виноградов и др.); многочисленные работы того же периода, посвященные бытовому и обрядовому наполнению календарных дат, сроков, праздников (В. И. Даль, С. В. Максимов, Н. Ф. Сумцов и др.); собрания русского фольклора и исследования по календарю различных специалистов советского времени. Из этого краткого обзора видно, что А. Ф. Некрылова учла основной фольклорно-этнографический фонд, прямо или опосредованно связанный с русским земледельческим календарем, но «за кадром» остались другие стороны ее деятельности — непосредственный вклад в собрание, исследование и активную пропаганду русского культурного наследия в качестве участника полевых экспедиций, архивного изыскателя, педагога и лектора, автора и редактора многочисленных публикаций, одного из ведущих специалистов по народному театру.

Все сказанное определило высокие качества книги «Круглый год». О ее достоинствах и недостатках можно говорить много, но я остановлюсь (на тех и других), на мой взгляд, на основных, которые имеют значение для массового культурного и духовного образования (воспитания), для восстановления прерванной связи народных традиций прошлого и настоящего, к чему постоянно призывает и мы — этнографы, пытаясь осознать смысл и функции современных обычаев и обрядов в их отношении к исчезающей традиционной культуре и будущим морально-этическим и духовным ценностям общества.

Книга патристична в благородном значении этого понятия: знание народной жизни и культуры истинно и глубоко, любовь к ним негромка и естественна. Эти качества необходимы, как мы сейчас говорим, для цивилизованного общества, чтобы с интересом, пониманием и уважением относиться к культурным традициям любого народа. Вступительная статья написана просто, но без «подделки» под несведущего читателя, что обычно ведет к упрощению и даже искажению реальности. Авторский подход отвечает современной задаче научного просветительства, которая должна осуществляться путем «поднятия» массового сознания, а не «спускания» до его уровня, что доступно немногим. По-моему, А. Ф. Некрыловой очень удается такой метод (вспомним ее книгу «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII — начало

XX века». Л., 1984), чему, я уверена, помогает ее многолетний опыт педагога и лектора. Вместе с тем хотелось бы пожелать автору избегать в дальнейшем досадных инерционных шаблонов в оценке некоторых сторон народного сознания и культуры, таких, как «отрицательные явления, уходящие в толщу народных верований» (с. 5), «нелепые суеверия» (с. 10) и т. п. Оговорка автора, что подобные формулировки выносятся «с нашей, материалистической точки зрения», существа дела не меняет.

Основное содержание сборника, которое я бы назвала «повседневное чтение на круглый год», вызывает восхищение и фольклорным богатством (разнообразием региональных и локальных примеров), и «этнографическим» рассказом составителя. В книге, похоже, представлены все виды фольклора: загадки, пословицы-поговорки, былички, заговоры, песни, сказки, былины, духовные стихи, библейские легенды и др.; максимально полно учтена практическая и обрядово-религиозная жизнедеятельность русского крестьянства. Читатель видит объемную и многообразную картину годичного цикла народной жизни в сложном и, на наш взгляд, противоречивом (а может быть, диалектичным?) мировоззренческом комплексе, породившем крестьянскую культуру, без которой высшие достижения русской культуры были бы невозможны.

«Круглый год» составлен не только максимально подробно, но и очень профессионально: практически все дни приведены в их церковно-временном приурочении, а единичные разночтения с православным календарем отражают реальность народного месящеслова, например сдвиг некоторых святых на один-два дня. Большой удачей составителя является подбор к датам «некалендарных» фольклорных жанров; например, приурочение сказок о горохе или гусях ко дням Иова-горошника (9.V) и Никиты-гусятника (9.VI); причитаний — к поминальным дням; заговоров «на клады» — ко дню Симона Зилота (23.V); былинных отрывков об играющих на гусях Добрыне или Садко — ко дню Давида — библейского музыканта (8.I) и др. Заметно также, что составитель старался распределить материал равномерно и, видимо, «разгружал» наиболее насыщенные циклы, отчего некоторые фактические сведения оказались не вполне на своем месте. Так, помочи-толоки были развиты в период сбора урожая во многих видах работ, и ограничение их «навозницей», приуроченной ко дню Феодора Стратилата (21.VI), не дает истинного представления о распространении этой формы коллективной деятельности. То же относится и к фольклорному материалу, связанному с «катанием с гор»: самый его размах и пик ритуального значения приходился на масленицу, в декабре же катанием отмечалось лишь начало зимы.

Полный «Словарь диалектных и устаревших слов» хорошо помогает ориентироваться в народной терминологии и понятиях: я, например, нашла только два необъясненных слова — «стих» и «скопческая песня» (массовый читатель может их не знать).

К сожалению, необходимо указать на три крупных упущения составителя, касающихся христианской части календаря.

1. Написание Богородицы и христианских праздников с маленькой буквы. С этим атавизмом идеологического «заказа» и атеистического невежества должно быть покончено решительно, иначе провозглашаемое нами уважение к духовным (религиозным) святыням и морально-этическим нормам христианства будет в большой степени голословным.

2. Пасхалия лишена своего названия (и содержания) и низведена до уровня «приложения», в котором она начинается со святка (?). На этом я хотела бы остановиться, чтобы предупредить возражение, что Пасхалия не имела серьезного значения в народном аграрном календаре, а была, как принято говорить, «приспособлена» к нему церковью.

Пасхалия — еще один *круглый год*, система подвижных временных отрезков, сохранявшая архаичный счет времени, связанный с лунным календарем. Последний не утрачивал своего важного значения, несмотря на все преобразования времени, развивавшие «солярный» счет, так как с лунными изменениями в народе связывались разнообразные хозяйственные занятия (включая и земледелие) и жизнедеятельность (от индивидуумов до общественного организма). Пасха, как известно, до недавнего времени была для крестьян одной из важнейших вех в трудовом календаре, определявшей начало полевых работ. Самая ее подвижность позволяла крестьянину гибко маневрировать со сроками посева, учитывая нестабильность и непредсказуемость весенних погодных условий, влиявших на готовность земли. В месячной амплитуде колебаний сроков Пасхи всегда находился Егорьев день (6.V) — стабильная дата, сливающаяся с Пасхой и образующая с ней весенний рубеж, с которого начинался *новый год* природного и человеческого возрождения.

Мы обычно учитываем (в лучшем случае!) семь праздничных циклов Пасхалии: Пасха, Вознесение, Троица, Духов день — Пятидесятница, Петровское заговенье и пост, период от Крещения до сырной недели (масленицы), семь недель Великого поста. Но на самом деле Пасхалия пронизывает *весь* стабильный календарь, включая и те исторические «следы», которые она оставила в процессе упорядочения гражданского времяисчисления, например в виде «мартовского» года (пасхального), отразившегося в обрядовом фольклоре (ср. формульный зачин песни «При марте было месяце»). К сожалению, мы об этом пока мало что знаем, так как календарь исследовался очень односторонне, в основном в рамках «трудовой» концепции.

Пасхалии мы обязаны подвижностью будничного-праздничного ритма народного календаря, для которого подвижный *недельный* счет имел преимущественное значение перед «подневым», о чем, в частности, свидетельствует переход восресений и многих праздничных дат в разряд второстепенных, малых праздников или же многодневность (недельность) празднования некоторых сакральных циклов. Церковные недели «по Пасхе» (до Пятидесятницы) и «по Пятидесятнице» (до Великого поста) имели народные названия (в том числе и приведенные автором книги) трудового или праздничного происхождения; региональная вариативность этих названий исследователям известна.

Сказанным, разумеется, далеко не исчерпывается роль Пасхаии в народном календаре. Она должна наконец найти достойное место в научных изысканиях и получить грамотное освещение в просветительской литературе. Тем более обидно, что у такого квалифицированного исследователя, как А. Ф. Некрылова, Пасхаия, пусть и «безымянная», начинается со стабильного и отнюдь не церковного по происхождению святочного цикла. Со святок, на мой взгляд, следовало бы начать стабильный календарь, т. е. книгу.

3. Названия двенадцатых и других праздников приводятся не полностью и не снабжены хотя бы краткой легендой. Понятно, что автор акцентировал внимание читателей на народной терминологии, но в ряде случаев из-за отсутствия легенды непонятно народное осмысление праздника (Спасы, Покров, Успение и др.). А. Ф. Некрылова вполне могла это сделать коротко и грамотно, как видно по комментариям к некоторым второстепенным датам, например ко дню 30.XII: библейская история о трех отроках в «пещи огненной».

Я высказала свои замечания в надежде, что скоро станет неизбежным второе издание сборника «Круглый год» и А. Ф. Некрылова сможет его «дополнить и улучшить». Хотелось бы также увидеть оригинальное оформление книги в цвете и небольшое музыкальное приложение, например в виде набора пластинок. Пожелаем автору успеха.

Т. А. Бернштам

© 1991 г.

А. А. Скрипник. Етнографічні музеї України. Становлення і розвиток. Київ, 1989. 301 с.

Рецензируемая монография — не только книга об этнографических музеях, как известно, им посвящено не так уже много работ. Это — глубокое и всестороннее исследование, освещающее важнейшие вопросы становления и развития народоведческой науки на Украине. Рассматривая историю этнографического музееведения в связи с общим музейным строительством на Украине и в стране в целом, А. А. Скрипник выявляет зависимость уровня организации музейной работы от состояния этнографической науки.

Исследование базируется на богатой и разнообразной источниковой базе, в том числе на архивных материалах, публикациях государственных актов, многочисленных каталогах, путеводителях. Значительная часть источников впервые введена в научный оборот автором. Библиография работы насчитывает 439 наименований (с. 265—295).

Привлекая разнообразные архивные источники и опубликованные материалы, А. А. Скрипник всесторонне раскрывает роль выдающихся ученых-этнографов в организации музейного коллекционирования и убедительно показывает, что при отсутствии государственной системы охраны памятников вся работа по созданию музеев на Украине осуществлялась благодаря инициативе и плодотворной деятельности местной интеллигенции, ученых и деятелей культуры, научных обществ, учебных заведений, частных лиц и меценатов.

В рецензируемой монографии дана научно обоснованная периодизация музейного этнографического строительства на Украине, основанная на выявленных автором особенностях и закономерностях развития музейного дела. Своеобразие каждого из выделенных периодов детерминировано особенностями общественно-политической и культурной жизни на Украине.

О многоплановости исследования А. А. Скрипник свидетельствует структура работы. Книга состоит из двух больших разделов, включающих по несколько глав, и заключения.

Первый раздел — «Зарождение и развитие этнографического музееведения на Украине» (с. 9—104) содержит три главы: «У истоков формирования этнографического коллекционного фонда» (с. 10—23); «Создание специализированных этнографических музеев и отделов при местных краеведческих учреждениях в пореформенный период» (с. 24—71); «Развитие этнографического музееведения в Западной Украине во второй половине XIX — начале XX в.» (с. 71—104).

Из этого раздела читатель узнает, что на Украине первые музеи в качестве особого типа научных учреждений с функциями охраны и использования памятников культуры появляются в первой четверти XIX в. Основу этнографических поступлений в них составили пожертвования коллекционеров и деятелей науки и культуры. Большую роль в зарождении научного подхода к охране историко-культурных памятников сыграли учебные заведения, научные общества и отдельные ученые. Благодаря им в музейных экспозициях стали появляться не только памятники античности или всякого рода экзотические вещи, но и предметы отечественной истории и культуры. Для более успешного сбора музейных экспонатов распространялись специальные анкеты, университетские музеи древностей комплектовали этнографические собрания, организовывали экспедиции.

А. А. Скрипник отмечает исключительную роль в организации сбора этнографических сведений учрежденного в 1804 г. при Московском университете Общества истории и древностей российских и особенно основанного в 1845 г. Русского географического общества (РГО), а также культурно-просветительных центров, возникших на Украине на базе Харьковского университета, Одесского общества истории и древностей при Новороссийском университете, а также Археографической комиссии Киевского университета, членом которой был Т. Г. Шевченко.

Специализированные этнографические музеи и отделы при местных краеведческих музеях (в Киеве, Харькове, Екатеринославе и других городах) возникли позднее, в пореформенный период, несмотря на все препоны, воздвигавшиеся политикой царского самодержавия, направлен-